

ЦЕРКОВЬ И НОВАЯ РОССИЯ

Событія, происходящія въ Россіи послѣ совершившагося тамъ пятнадцать лѣтъ назадъ революціоннаго переворота всей жизни, вызываютъ среди людей, удаленныхъ отъ своей страны и своего народа, самыя разнообразныя предположенія, сужденія и оцѣнки. Разнообразіе это опредѣляется не столько существомъ самихъ событій, сколько привносимыми въ ихъ оцѣнку проэкціями на будущее Россіи.

Сами же событія, совершившіяся въ теченіе 15 лѣтъ и развертывающіяся дальше, могутъ быть разсматриваемы лишь съ двухъ точекъ зрѣнія: пріятія или непріятія ихъ. При чемъ эти точки зрѣнія являются чисто личными, такъ сказать «вкусовыми», независящими ни въ какой мѣрѣ отъ движенія историческаго процесса и его необходимыхъ законовъ.

Такимъ образомъ, оставивъ совершенно въ сторонѣ всѣ предположенія и пожеланія, разсчитанныя на завтрашній день Россіи, мы, казалось бы, обязаны были признать, что существуетъ Россія (или С. С. С. Р.) сегодняшняго дня, такая, какъ она есть въ цѣломъ, принять ее какъ *фактъ* и, разсматривая тѣ или иныя явленія современной русской жизни, изучать ихъ на основѣ этого факта, въ связи съ нимъ, а отнюдь не въ отвлеченной отъ него обособленности.

Между тѣмъ, наши сужденія о Россіи и о происходящемъ въ ней все время сбиваются. Изъ области реальной мы то и дѣло перескакиваемъ въ область фантастическую: дѣйствительность сегодняшняго дня заслоняется для насъ «туманными картинами» прошлаго. Это происходитъ потому, что и о самихъ себѣ мы мыслимъ тоже не вполне реально. Личное, индивидуальное «я» русскаго эмигранта, будучи составлено изъ двухъ половинокъ — теперешней и прежней — постоянно двойится. Поскольку онъ живетъ во Франціи, Германіи, Сербіи, Америкѣ и вообще во всякой чужой странѣ, онъ сознаетъ себя рабочимъ, конторщикомъ, шофферомъ, чертежникомъ и т. д. Но

какъ только онъ обращается мыслью къ Россіи, тотчасъ же онъ превращается въ полковника, въ инженера, во владѣльца фабрики, въ Тульского или Орловскаго помѣщика, даже просто въ начальника станціи, имѣющаго свое «заслуженное» и «по праву» мѣсто и положеніе въ жизни, свое *качественное* въ ней, а потому какъ будто неотъемлемое и абсолютное опредѣленіе. И вотъ въ силу этого послѣдняго обстоятельства «туманныя картины» и начинаютъ заслонять явь жизни. Явь для подавляющаго большинства очень горька; примиряться съ нею легче, увѣривъ себя въ томъ, что эта явь — нѣчто временное, нѣкій маскараднй костюмъ, который завтра будетъ сброшенъ и изъ подъ него выйдетъ на свѣтъ Божій подлинное лишь на срокъ скрытое и отъ этого срока ничуть не тускнѣющее золотое «шитье мундира». Снять же маскараднй костюмъ будетъ можно только въ Россіи, Россіи прежней или почти прежней... Новая, *другая*, Россія не сулитъ никакого возврата утерянныхъ личныхъ благъ. Думать о ней значитъ отречься отъ своего желаннаго и счастливаго возвращенія въ прежнее состояніе... И выходитъ такъ, что ужъ лучше считать теперешнюю Россію и все въ ней совершившееся и совершающееся фантазмагоріей, дурнымъ кошмаромъ, а Россію вчерашнюю носить въ умѣ и въ сердцѣ какъ дѣйствительность, пока вотъ только скрытую занавѣсомъ исторіи. Получается нѣкій гипнозъ, гипнозъ прошлаго, личный въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но создающій нѣкую общую массовую психологію эмиграціи. *Образы прошлаго*, крѣпко запечатлѣнные въ подсознаніи, *кажутся убѣдительнѣе фактовъ настоящаго*, предлагаемыхъ сознанію исторіей.

Образъ побѣждаетъ фактъ и не допускаетъ его до глубины сознанія, потому, что фактъ и факты имѣютъ мѣсто гдѣ-то на разстояніи. А когда нѣтъ подлинно осязаемой *очевидности* случившагося, то у человѣка начинаетъ захлопываться какой-то внутренній предохранительный клапанъ и онъ невольно отводитъ отъ происшедшаго свое вниманіе: «я не хочу этому вѣрить». «Я *не* хочу этому вѣрить» переходитъ въ «нельзя этому вѣрить», т. е. въ успокоительное отрицаніе случившагося.

II

Хотя намъ этого и не хочется, но совершенно независимо отъ нашихъ вкусовъ, представленій, привычекъ и желаній, въ Россіи происходитъ колоссальной силы вулканической процессъ.

Пятнадцать лѣтъ изливается изъ нѣдръ ея огненная лава,

заливающая собою прошлое. Остановить изверженія мы не можемъ, какъ едва ли можемъ отсюда, издалека, въ какой-либо степени повліять на образованіе новыхъ формъ русской жизни.

Органическія измѣненія происходятъ въ самомъ организмѣ, а не во внѣ его. Мы же стоимъ въ сторонѣ и всѣ наши даже лучшія и наиболѣе безкорыстныя творческія усилія, направляемыя на помощь огромному русскому организму, — только гомеопатическія «пилюли въ аптечной коробочкѣ» — никакъ не больше. Если организмъ въ самомъ себѣ имѣетъ достаточно силы, чтобы побороть болѣзнь, то, въ періодъ начавшагося выздоровленія, наши «заграничныя пилюли» *можетъ быть* и пригодятся въ какой-то, конечно, самой относительной степени. Но чтобы и «пилюли» эти дѣлали, хотя бы для собственнаго утѣшенія, нужно прежде всего напрячь всѣ силы, дабы понять, что происходитъ въ Россіи. А для этого необходимо побѣдить самихъ себя, освободиться отъ сладкаго, можетъ быть, для многихъ, гипноза прошлаго, преодолѣть эту раздвоенность на «вчера» и «сегодня» и совершенно погасить въ себѣ всякую романтику, уносящую насъ изъ области дѣйствительныхъ фактовъ въ область грезъ, образовъ и представленій о томъ, чего больше уже не существуетъ. И особенно это важно, просто *необходимо* тамъ, гдѣ мы сохраняемъ или, по крайней мѣрѣ, хотимъ сохранить живую связь съ душой нашего народа, связь наиболѣе крѣпкую и драгоценную — въ области христіанской вѣры и Церкви.

Принявъ своимъ сознаниемъ фактъ другой Россіи, которая вотъ уже шестнадцатый годъ истекаетъ кровью отъ нужныхъ и ненужныхъ, творческихъ и разрушительныхъ усилій, мы обязаны осознать и то, что Русская Православная Церковь не можетъ жить и дѣйствовать въ области образовъ и представленій прошлаго, а стоитъ лицомъ къ лицу передъ *фактомъ* этой другой, бурлящей и кипящей въ своемъ какомъ-то новомъ становленіи, Россіи.

Совмѣстимы ли Церковь, какъ таковая, и современная бурлящая Россія?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ со всей полнотой и добросовѣстностью, мы должны прежде всего уяснить себѣ, что такое Церковь въ существѣ своемъ, въ основѣ своей, а для этого выдѣлить самую идею Церкви въ ея чистотѣ изъ того случайнаго и временнаго, что къ ней приросло въ бытовомъ порядкѣ, иначе говоря освободить понятіе Церкви отъ церковно-бытовыхъ «аксессуаровъ».

Церковь есть Тѣло Христово. Въ ней Духомъ Святымъ дѣйствуетъ и пребываетъ Самъ Христосъ.

Можетъ ли силъ Христовой быть загражденъ путь чело-вѣческими или даже дьявольскими преградами? Можетъ-ли благодать Святого Духа дѣйствовать только лишь при наличіи опредѣленнаго политико-соціального строя въ дан-ной странѣ?

Такіе вопросы всякому вѣрующему христіанину пред-ставляются не только нелѣпыми, но просто кощунственными.

Если Христось входитъ «дверемъ затвореннымъ» въ гор-ницу, гдѣ затворились Его ученики «страха ради іудейска» то бытіе Церкви Христовой въ земныхъ, самыхъ тяжкихъ даже, условіяхъ зависитъ ли отъ Сталина и ГПУ?

Христось днесъ и вчера и во вѣки Одинъ и тотъ же. Ев-харистическое Таинство остается неизмѣняемымъ въ своей полнотѣ, независимо отъ того, совершается ли Литургія въ великолѣпномъ соборѣ или въ крестьянской избѣ, въ подва-лѣ или подъ открытымъ небомъ.

Но что измѣняется въ зависимости отъ измѣненій полити-ческаго и соціального строя, отъ безбожныхъ устремленій власти, отъ притѣсненій духовенства, живущаго въ голодѣ и нищетѣ, подверженнаго преслѣдованіямъ безбожниковъ, лживымъ доносамъ и всѣмъ вообще бѣдствіямъ самой тяжелой и страдальческой земной участи?

Измѣняются «аксессуары» церковной жизни, т. е. внѣш-няго ея правового и бытового строя. «Аксессуары» никогда не должны быть смѣшиваемы съ главнымъ, основнымъ, суще-ственнымъ. «Аксессуары» — это лишь ризы церковныя, внѣш-няя одежда Церкви, Ея облаченія въ широкомъ смыслѣ это-го слова, истканныя исторіей. И Русская Православная Цер-ковь имѣла свое, намъ привычное, «историческое облаченіе», величественное, пышное, но къ концу послѣднихъ вѣковъ болѣе богатое и великолѣпное въ художественно-бытовомъ, нежели въ духовномъ отношеніи. Духовныя богатства были несомнѣнно; въ отдѣльныхъ личностяхъ доходили до без-цѣнности, ни съ чѣмъ несравнимой (Преподобный Серафимъ), но общая линія духовнаго творчества Церкви была понижена: подъ тяжестью выкованной государственной властью «парчи», церковная жизнь не пламенѣла духомъ, а лишь теплилась. Обарачиваясь назадъ, къ прошлому, и любясь великолѣ-піемъ «аксессуаровъ», мы часто теряемъ способность отличать «ризы церковныя» отъ существа Церкви Христовой: одно къ дру-гому въ нашихъ представленіяхъ и нашемъ неуясненномъ понятіи о Церкви прирастаетъ такъ крѣпко, что посягатель-ство на «историческое облаченіе» Церкви нами принимается за ущербность Ея существа.

Подъ «аксессуарами» мы разумѣемъ не только внѣшнее

«благолѣпіе» «святой Руси» — ея храмы, монастыри съ ихъ художественными и матеріальными богатствами, но все то, что лежитъ не въ центрѣ Православія вообще и ученія о Церкви въ частности, а на периферіи.

На периферіи лежали многіе обряды и навыки, все то, что во времени и отъ времени, въ родѣ перстосложенія, двукратнаго «аллилуія», хожденія «посолонь» и многаго другого въ этомъ родѣ. И мы знаемъ, что за перстосложеніе и двукратное аллилуія люди даже умирали, не умѣя отличить главное отъ второстепеннаго. «Аксессуары» всегда порождаютъ много споровъ и несогласій, порождаютъ расколы именно въ той средѣ, для которой нетлѣнное начало Церкви, ликъ Христа въ ней, заслонены подробностями, переоцѣненными сверхъ мѣры. Приближеніе отъ периферіи къ центру, стояніе передъ Истиной (съ большой буквы) споры прекращаетъ. Протопопъ Аввакумъ могъ спорить съ Патріархомъ Никономъ, ибо и тотъ и другой отстаивали «аксессуары», т. е. не высшіе, а «пониженные» принципы православной вѣры. Но мы не могли бы себѣ представить, чтобы, раздѣленные во времени почти двумя тысячами лѣтъ, Апостоль Павелъ и Преподобный Серафимъ Саровскій могли бы «спорить» о Христѣ и Церкви Христовой, если бы они даже вторично и одновременно явились на землѣ. «Споръ» между ними немыслимъ, потому что оба и въ земномъ бытіи своемъ стояли передъ лицомъ Христовымъ въ «умномъ» созерцаніи Самосушей Истины. Какъ для Апостола Павла былъ лишь «аксессуаромъ» не только языческій Римъ, но всѣ будущіе вѣка человѣческой исторіи, черезъ кторые онъ видѣлъ второе пришествіе Спасителя міра, такъ и для преподобнаго Серафима были не чувствительны всѣ «мірскіе уклоны» нашей прежней Синодальной Церкви.

Относительность и бренность «аксессуаровъ» отдѣльная личность познаетъ до конца въ духовномъ подъемѣ высокой аскезы даже въ наиболѣе «мирное время». Но массу это «мирное время» особенно прочно прикрѣпляетъ къ внѣшнему, второстепенному, ко всякой привычной и видимой облицовкѣ церковнаго быта и матеріальнаго церковнаго строя.

Воспринимая жизнь въ ея цѣломъ, не вдумываясь въ *качественное* различеніе религіи и государственнаго строя, люди обычно такъ сливаютъ въ своихъ понятіяхъ разную природу несоизмѣримыхъ другъ съ другомъ вещей, что временное и вѣчное у нихъ оказываются въ одномъ планѣ, грубо выражаясь, «идутъ по одной и той же цѣнѣ». Церковь Христова вдругъ становится «національной принадлежностью» русскаго быта, частью цѣлаго. Православіе ставится рядомъ съ «самодержавіемъ» и «народностью», какъ одинъ изъ факторовъ

русской движущей силы, русского внутреннего и всемирного значения. И это еще в возвышенной идеологии славянофиловъ. А в обывательскомъ сознаниі догматы Апостольской Церкви, ученіе евангельское нераздѣльно сливаются съ формой куполовъ, съ малиновымъ звономъ, съ каретами владыкъ, съ рочущими протодіаконскими басами.

«Аксессуары» становятся на первое мѣсто, вытѣсняя краеугольный камень христіанской вѣры и христіанскаго дѣланія. Представленіе о золотомъ куполѣ дѣлается почти что догматомъ, подобно перстосложенію и ношенію бороды у старообрядцевъ.

«Щепотники» и бритые пойдутъ въ адъ...» — крѣпко утверждаютъ иные «кондовые» старообрядцы даже въ наши дни.

— Не могу молиться безъ купола и безъ звона — говорить часто и эмигрантъ, убѣжденный, что вмѣстѣ съ куполами въ Россіи разрушается и самая Церковь.

Современные христіане бытового типа (а такихъ въ эмиграціи большинство) забываютъ, что епископы и пресвитеры первой эпохи не носили никакихъ сутанъ, и вообще вѣра и молитва первохристіанскаго періода утверждались только на духовномъ фундаментѣ и не создавали почти никакихъ внѣшнихъ признаковъ культа, которые сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія.

Это отнюдь не значитъ, что нужно послѣдовать примѣру сектантовъ, — баптистовъ и евангелистовъ и призывать къ намѣренному уничтоженію всего церковнаго благолѣпія. Благолѣпіе прекрасно, ибо въ немъ выразилось все богатство религіозно настроеннаго человѣческаго генія мирныхъ эпохъ. Самое высокое искусство на протяженіи христіанской исторіи человѣчества приходило на служеніе Церкви и на Востокѣ и на Западѣ. Отъ глубочайшей ни съ чѣмъ несравнимой поэзіи церковныхъ пѣснопѣній, — до изумительныхъ произведеній религіозной живописи и архитектуры, благословенно творчество человѣческое, ибо оно есть одинъ изъ даровъ Божіихъ. Не только можно, но и нужно любить, хранить и изучать религіозное искусство — въ немъ гениально запечатлѣлась душа отдѣльныхъ великихъ мастеровъ и душа цѣлыхъ эпохъ со всѣми особенностями имъ свойственнаго воспріятія Бога, міра и человѣка. И многое изъ созданнаго въ этой области стало священнымъ, даже святымъ, какъ молитвы, пѣснопѣнія, иконы. Церковь приняла ихъ, утвердила ихъ почитаніе. Но многое, хотя и принято Церковью, но принято лишь какъ необязательный «орнаментъ» культа, дорогой не столько нашему духу, сколько нашей душѣ своимъ художественнымъ и культурно историческимъ значеніемъ. Культъ можетъ быть

доведенъ до максимальнаго эстетическаго великолѣпія. Имъ можно восхищаться и любоваться даже до искушенія, до соблазновъ самыхъ тонкихъ и духовно опасныхъ, въ которыхъ мистика незамѣтно подмѣнивается эстетикой. Изъ внѣшней красоты церковнаго благолѣпія легко сотворить себѣ кумирь. И, можетъ быть, предвидя такой соблазнъ и желая предостереечь отъ него, преподобный Ниль Сорскій, одинъ изъ наиболѣе духовно высокихъ русскихъ подвижниковъ, не только при жизни своей запретилъ въ своей обители строить каменные храмы, но, какъ рассказываетъ преданіе о немъ, уже послѣ своей кончины, когда забыли въ Сорской пустыни наказъ преподобнаго и собрались было воздвигнуть каменный храмъ, явился во снѣ одному изъ монаховъ и повторилъ свое запрещеніе.

Вполнѣ естественно, что «мирное время» живетъ больше душою, чѣмъ духомъ и служить преимущественно внѣшнему въ Церкви.

Но, когда на смѣну относительному безмятежію приходятъ эпохи трагическія, эпохи страшныхъ потрясеній всей жизни до самыхъ ея основаній, то тутъ великую ошибку совершить тотъ, кто не сумѣетъ отличить главнаго отъ второстепеннаго, кто захочетъ спасти «облицовку» и ради нея пожертвуетъ сущностью.

До революціи Церковь и государство въ Россіи казались органически соединенными, какъ сіамскіе близнецы.

Революція въ самый первый моментъ, если и ударила по Церкви, то не въ порядкѣ насажденія обязательнаго безбожія (это пришло позднѣе), а въ порядкѣ «ликвидации стараго режима». Въ свою очередь и огромному большинству не только вѣрующихъ, но и мало вѣрующихъ и совсѣмъ невѣрующихъ противниковъ большевизма казалось, что Церковь есть одна изъ основъ государственнаго и общественнаго правопорядка въ странѣ, одинъ изъ крѣпкихъ его устоевъ, который долженъ оказать сопротивление большевизму. Въ далекомъ прошломъ Церковь Русская не разъ послужила русскому національному дѣлу и даже въ критическіе моменты русской исторіи брала на себя инициативу спасенія Московскаго государства. Эти историческія справки съ одной стороны и недостаточное пониманіе всей силы и глубины русской революціи, ея связи съ какимъ то приближающимся поворотнымъ моментомъ всей міровой исторіи, — съ другой вовлекали русское общество, и внутри самой Россіи и въ эмиграціи, въ стремленіе навязать Церкви политическую роль и политическую активность въ борьбѣ съ коммунизмомъ, направить Ея энергію по самому земному руслу.

Годы шли. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось оче-

виднымъ насколько серьезны процессы, совершающіеся въ Россіи, до какой степени революція захватила страну «подъ самый корень» и какіе вопросы сами собою ставятся теперь на разрѣшеніе уже не въ русскомъ только, но и въ міровомъ масштабѣ...

Но наши близорукіе патріоты, увлеченные мыслью о повтореніяхъ въ исторіи, продолжали, по чисто внѣшнимъ сходственнымъ признакамъ всякихъ вообще смуть, настаивать на томъ, что коммунистическая революція XX столѣтія и эпоха самозванцевъ въ Московскомъ государствѣ — періоды совершенно аналогичные. Если въ свое время Патріархъ Гермогенъ взывалъ къ національному чувству населенія, дабы спасти Русь отъ поляковъ, то почему бы Патріархъ Тихону и его преемникамъ не поступить точно также дабы избавить Россію отъ «кучки» большевиковъ?

Вдуматься въ совершенно различное содержаніе двухъ эпохъ, недосыгаемо далекихъ другъ отъ друга не только по времени, но еще больше по значенію тогдашней и теперешней «смуть», отличить *мѣстное*, почти что эпизодическое, явленіе въ Московской Руси начала XVII в. отъ *міровой* по своей духовной и соціальной детонаціи русской катастрофы нашихъ дней они не сумѣли, ибо не хотѣли видѣть происходящаго въ Россіи, лелѣя обвешталую мечту о возвратѣ къ прошлому. Они проглядѣли тотъ фактъ, что и старая христіанская культура старой и на половину (если не больше) внутренне обезбоженной Европы стоитъ на краю пропасти... Занятые заботой о скорѣйшей ликвидаціи большевизма при помощи какихъ то наивныхъ листовокъ, комитетовъ и засѣданій, повернувшись спиной къ своей надрывающейся отъ всяческаго напряженія, страны, они не обратили и не обращаютъ вниманія на то, что въ «презрѣнномъ СССР» за весь міръ, за все человечество поставлена на разрѣшеніе величайшая проблема будущей исторіи. Проблема не соціального только устроенія жизни, но гораздо болѣе важная и коренная:

поглотитъ ли торжество голаго матеріализма обвешталые обломки окаменѣвшаго и полузабытаго христіанами христіанства или же «въ грозѣ и бурѣ» страшной русской катастрофы воскреснетъ христіанство подлинное и явитъ всему міру сіяющій ликъ Богочеловѣка?

Все напряженіе своего духа, всю кровь своего истерзаннаго муками тѣла отдала Россія на разрѣшеніе этой проблемы.

Не по случайному совпаденію, а по промыслительному дѣйствию Божественной Воли Русская Церковь оказалась поставленной въ центрѣ этой проблемы. На нее возложена

задача стяжать величайшую высоту духа, раскрыть всю полноту и глубину церковной Истины. Русская Церковь, как и всякая Церковь на землѣ, имѣла свое «земное дѣло», свою историческую плоть, приросшую къ вѣкамъ прошлаго. Воинствующій безбожный коммунизмъ осудилъ эту плоть на распятіе, билъ и истязалъ ее, ища такого мѣста, по которому можно было бы нанести самый чувствительный и смертельный ударъ...

Убить земную плоть Церкви не значитъ ли убить и душу Ея, искоренить христіанство, покончить разъ и навсегда съ «религіозными предрасудками» и тѣмъ самымъ освободить пролетаріатъ для всецѣлаго служенія социалистическому строительству, покорить творческій духъ человѣка земнымъ богамъ техники, прогресса, величайшихъ достижений въ области знанія и земного преображенія матеріальнаго міра?

Безбожники были увѣрены, что отяготѣвшая въ своей прежней бытовой прочности Церковь не выдержитъ ударовъ по ея земному тѣлу, что внутреннее и внѣшнее сраслись въ ней настолько крѣпко, что одно безъ другого не можетъ уже никакъ существовать.

И какъ ни странно, но почти на такой же точкѣ зрѣнія оказались и русскіе вѣрующіе эмигранты, возлюбившіе по преимуществу наружную оболочку Церкви и Православія, подмѣнившіе этой оболочкой чистую духовную ихъ сущность.

И безбожные коммунисты и многіе изъ числа вѣрующихъ забыли слова Христовы: «не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить».

Но какъ мы увидимъ дальше, вѣрующіе изъ числа эмиграціи уже громко заявили о *полномъ разложеніи Церкви въ Россіи, какъ о совершившемся фактѣ*, въ то время, когда борющіеся съ Церковью озлобленные безбожники, и послѣ пятнадцати лѣтъ самыхъ напряженныхъ усилій, вынуждены удовольвѣриться, что Церковь живетъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ.

«Діагнозъ», поставленный эмиграціей, опирается на то, что земная плоть Церкви изъязвлена, что пышное историческое Ея «облаченіе» разодрано руками враговъ, а главное, что Церковь ни въ какой мѣрѣ не держится за опредѣленную социально-политическую линію и потому совершенно искренно не противится совѣтскимъ попыткамъ социалистическаго строительства.

Съ двухъ сторонъ на Русскую Церковь ведется нападеніе: Эмиграція упрекаетъ Ее за «соглашательство» съ большевиками.

Воинствующіе безбожники яростно клеветаютъ на Нее, приписывая Ей вездѣ, гдѣ могутъ, контръ-революціонные

замыслы и дѣйствія, «вредительство», «поддержку кулацкихъ элементовъ» и тоже «соглашательство» «съ міровымъ капиталомъ и буржуазіей» въ цѣляхъ интервенціи.

И тѣ и другіе одинаково не могутъ понять полной отрѣшенности Русской Церкви отъ всякихъ временныхъ земныхъ интересовъ во имя стяжанія тѣхъ величайшихъ духовныхъ цѣнностей, которыя однѣ только и могутъ дать Ей силу победы надъ «княземъ міра сего» въ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ моментовъ міровой исторіи.

Нужно страдать полнымъ отсутствіемъ воображенія и абсолютнымъ незнаніемъ и непониманіемъ происходящаго въ Россіи, чтобы, хотя на одинъ только моментъ, не призадуматься надъ вопросомъ:

Какимъ образомъ, послѣ пятнадцатилѣтнихъ атакъ на Православную вѣру въ Россіи (которую безбожники открыто называютъ самой опасной и вредной для нихъ), послѣ непрекращающейся осады на духовенство, осады самой жестокой съ непрерывными вылазками злобно провокаціонныхъ подвоховъ и интригъ, клеветы и обмана, лживой информации стремящейся съ одной стороны извратить и очернить всякій шагъ высшей церковной іерархіи въ глазахъ даже самихъ вѣрующихъ, не говоря уже о безбожной части населенія, а съ другой посѣять недоразумѣнія и рознь между епископами, находящимися въ ссылкѣ и на свободѣ (*), наконецъ, послѣ всѣхъ физическихъ, матеріальныхъ и юридическихъ притѣсненій и духовенства и церковныхъ приходовъ, послѣ 15 лѣтъ систематической пропаганды безбожія всѣми видами и способами, начиная со школы для малолѣтнихъ и кончая университетами, театрами и разнаго сорта литературой — какимъ образомъ послѣ всего этого Церковь въ Россіи не только существуетъ, но горитъ духомъ, творческой энергіей и, буквально на днѣ преисподней ведетъ свою великую миссію благовѣстія Христова?

Въ «юбилейномъ» сборникѣ «Воинствующее безбожіе въ С. С. С. Р. за 15 лѣтъ. (Огиз. Гаиз. 1932)» вотъ что, напримѣръ, удостоверяетъ К. Берковскій въ своей статьѣ «Современное состояніе православнаго церковнаго фронта»:

«Выступая сегодня на опредѣленномъ участкѣ борьбы противъ соціалистическаго строительства... поповство продолжаетъ свою, проводившуюся имъ, правда иными методами, на фронтѣ гражданской войны и интервенціи линію борьбы противъ первой въ мірѣ республики совѣтовъ»... По-своему пре-

*) Ложная информация ссыльныхъ іерарховъ — обычный пріемъ ГПУ.

творяя лозунгъ «лицомъ къ производству», попы пробираются на фабрики и заводы, проводятъ тамъ усиленную агитацію за постройку новыхъ церквей, пролѣзаютъ даже въ общественныя и выборныя совѣтскія организациі (вплоть до горсовѣтовъ и сельсовѣтовъ)... «Попъ выступаетъ на борьбу за темноту и безграмотность трудящихся противъ всѣхъ культурныхъ начинаній совѣтской власти. Примѣняясь къ современнымъ условіямъ, попу ведетъ активную борьбу за вѣрующаго ученика и педагога, развертываетъ борьбу на идеологическомъ фронтѣ, проводитъ организацию подпольныхъ религіозныхъ школъ и семинаровъ и т. д.» «Убѣдившись, что открытая контрреволюціонная дѣятельность Патріарха Тихона быстро подрываетъ остатки авторитета Церкви среди трудящихся СССР, православные попы «пошли въ массы» съ иными методами реакціоннаго воздѣйствія: начинается обходъ домовъ вѣрующихъ по особымъ спискамъ, индивидуальная обработка, даже попытки посѣщать не только рабочія жилища, но и цеха во время работы, производить сборъ на постройку церквей въ предѣлахъ или вблизи фабрикъ и заводовъ и т. д.»... «Безспорно, что количественно черная рать православнаго поповства значительно оскудѣла, число культовыхъ заданій сократилось болѣе чѣмъ вдвое: порѣдѣли значительно и ряды самого православнаго духовенства.

Однако это количественное уменьшеніе не только не ослабило антисовѣтской дѣятельности православной церковной организациі, а наоборотъ: степень активизациі православнаго духовенства противъ соціалистическаго строительства обратно пропорціональна степени количественнаго сокращенія православныхъ рядовъ».

«За послѣдніе годы, въ періодъ первой пятилѣтки въ особенности, совѣтская власть и общественность имѣли полную возможность убѣдиться въ томъ, что, какъ и всякая религіозная организациа, православная въ меньшей степени, если не въ большей, используетъ свободу религіи, предоставленную по декрету отъ 23 января 1918 г., свободу религіозной пропаганды и агитаціи, въ реакціонныхъ и прямоконтрреволюціонныхъ интересахъ эксплуататорскихъ классовъ»... «Дальнѣйшее обостреніе классовой борьбы въ отдѣльные моменты и на отдѣльныхъ участкахъ соціалистической стройки требуетъ отъ насъ бдительности; необходимо быть готовымъ къ усиленію антисовѣтской дѣятельности православнаго поповства», такъ какъ «соціальный заказчикъ» — остатки эксплуататорскихъ классовъ въ С. С. С. Р., бѣлоэмигрантщины и мировая буржуазія — дѣлаютъ все новыя и новыя попыт-

*) Курсивъ нашъ.

ки сорвать нашу социалистическую стройку» — заключает Берковский свою статью о пятнадцатилетних итогах борьбы съ Православной Церковью.

Безбожные советские книги, статьи и журналы читать очень трудно, порою отвратительно до невыносимости, но читать нужно, переводя площадный кощунственный жаргонъ на обыкновенный языкъ, расшифровывая профессионально чекистскую терминологию и добираясь до настоящего смысла безбожныхъ отзывовъ и донесеній «по начальству». Имѣя дѣло съ этой терминологіей, необходимо прежде всего помнить, что христіанство, какъ таковое, само по себѣ, если не всегда *кажется*, то всегда *называется* безбожниками «контрреволюціей»; христіанская проповѣдь и христіанское богослуженіе именуются «антисовѣтской пропагандой» и «срывомъ социалистической стройки». Нельзя забывать, что воинствующее безбожіе проявляетъ свою ненависть къ Православной Церкви прежде всего клеветой, извращеніемъ фактовъ и постоянными доносами на вѣрующихъ и духовенство. Поэтому ссылка на «эксплоататорскіе классы», на «міровую буржуазію», на «интервенцію» сопровождаютъ каждое сообщеніе о той или иной удачѣ христіанской проповѣди и христіанской дѣятельности въ С. С. С. Р. Но, и помимо злобныхъ доносовъ на членовъ Церкви, воинствующіе безбожники, вѣроятно, иногда искренно не находятъ достаточнаго объясненія тому во-истинѣ чудесному факту, какимъ является подвигъ церковнаго стоянія, самаго бытія Церкви въ жерлѣ коммунистическаго вулкана. На самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить то, что Церковь и нынѣ не раздавлена и не сметена съ лица советской земли?

Не хватило у большевиковъ смѣлости? Энергіи? Времени?

Ничуть. Всего этого у нихъ, въ особенности въ области разрушенія, болѣе чѣмъ достаточно. Они сносили цѣлыя селенія артиллерійскимъ огнемъ въ упоръ, не боясь никакихъ нареканій въ жестокости. Ссылали крестьянъ тысячами на каторгу, очищая сразу районы «кулацкихъ» селъ и волостей; они учиняли массовые разстрѣлы; затопляли огромныя баржи, переполненныя людьми. Они срывали цѣлыя зданія вмѣстѣ съ фундаментомъ. Въ частности храмы ими разрушались и разрушаются безъ стѣсненія, въ послѣдніе же годы съ полнымъ забвеніемъ первоначальной ихъ заботы объ «охранѣ памятниковъ искусства и старины». Кто имъ могъ въ этомъ воспрепятствовать и какимъ путемъ? Всѣ зданія объявлены въ С. С. С. Р. собственностью государства, слѣдовательно, юридическихъ препятствій къ сносу никто выставить не можетъ; заявленія же мотивовъ религіозныхъ со стороны церковной іерархіи вызвало бы только насмѣшку со стороны безбож-

ныхъ властей и обнаружило бы лишь слабость истязуемыхъ, которые «не выдержали» и кричать отъ внутренней боли къ великой радости истязующихъ и на потѣху имъ... Протесты населенія съ самаго начала (еще во времени отобранія церковныхъ цѣнностей) подавлялись вооруженной силой, а теперь эти протесты внушительнаго массоваго характера стали просто невозможными, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ остатки вѣрующей интеллигенціи робко прячутъ и маскируютъ свою вѣру уже изъ одной боязни потерять мѣсто на службѣ и тощій кусокъ хлѣба.

Итакъ, просторъ для *матеріальныхъ* опустошеній Церкви имѣется полный, и опустошенія эти продолжаютъ совершаться. Но однако они не даютъ безбожникамъ радостнаго сознанія желанной побѣды. Желѣзный ломъ дробитъ камень, разбиваетъ куполь... Но и только. Динамитомъ можно въ нѣсколько пріемовъ взорвать на воздухъ громаду московскаго Храма Спасителя...

Ну, а дальше?

Дальше начинается та область, гдѣ ни ломъ, ни динамитъ, ни пулеметы, ни револьверы не примѣнимы. Можно убить человѣка, убить многихъ людей. Изъ числа русскаго духовенства разстрѣляно и загублено не одна тысяча. И какой получился результатъ? — Сама власть признала, что не слѣдуетъ умножать числа мучениковъ за вѣру, ибо это вредитъ дѣлу безбожной пропаганды. Ломъ и динамитъ не могутъ разбить живую вѣру въ живого Христа, угасить пламенѣющій духъ.

Вотъ эта непобѣдимая сила духа и ставитъ въ тупикъ вооруженную всѣми средствами борьбы многочисленную безбожную рать, неутомимую въ своей слѣпой ярости.

Храмовъ убавилось на половину; количество духовества сократилось. Живетъ это духовенство въ невообразимо тягостныхъ условіяхъ. И тѣмъ не менѣе враги Церкви сами признаютъ, что качественная его активность возрастаетъ обратно пропорціонально его количеству. Какая же сила его держитъ?

Вѣдь на самомъ дѣлѣ, не помощью же «міровой буржуазіи» служители Христовы несутъ свой крестъ!

Внѣшнее разрушается подъ злыми ударами, но внутреннее крѣпнетъ. Надъ этимъ стоитъ задуматься, какъ задумался недавно одинъ англійскій путешественникъ, посѣтившій Москву и рядъ другихъ большихъ городовъ.

Онъ видѣлъ раны, наносимыя Церкви, видѣлъ ея страданія, и отъ внушительности внѣшняго содрогнулся настолько, что у него подъ этимъ впечатлѣніемъ вырвалось:

«Нужно по меньшей мѣрѣ чудо, чтобы спасти Церковь въ такихъ условіяхъ». Но параллельно съ внѣшнимъ онъ

сумѣлъ обратить свое вниманіе и на внутреннее и вотъ первоначальное впечатлѣніе измѣнилось, раздвоилось:

«Когда я былъ въ Россіи, я видѣлъ большое количество священниковъ. Я былъ въ большинствѣ случаевъ пораженъ выраженіемъ мира на ихъ лицахъ. Это были — представлялось мнѣ, лица людей, которые знали передъ чѣмъ они стоятъ и зная, не смущались; которые готовы были продолжать исполнять свой долгъ, а все остальное предоставляли Богу. Однимъ изъ моихъ послѣднихъ впечатлѣній въ Россіи былъ Архіепископъ ***, его спокойная и величавая фигура. Онъ ѣхалъ по улицѣ въ разбитой извозничьей пролеткѣ мимо краснаго оркестра, игравшаго революціонныя пѣсни и шумной толпы молодыхъ коммунистовъ, ѣхалъ въ свой кафедральный храмъ служить литургію въ день престольнаго праздника».

Та же печать мира спокойствія и величавости, которая поразила англійскаго путешественника въ русскомъ духовенствѣ, лежитъ и на обращеніи Высшей Церковной Власти ко всей Русской Церкви. Подводя итоги церковной жизни и дѣятельности за послѣднія пять лѣтъ на страницахъ «Журнала Московской Патріархіи», правящій Первосвятитель говоритъ:

«...все происходящее въ нашей родинѣ не есть случайность, ибо для христіанина не можетъ быть случайностей въ мірѣ, а во всемъ дѣйствуетъ Промыслительная Десница Божія ко спасенію вѣрныхъ сыновъ Церкви» ()*

«... Въ настоящее время Патріаршій Священный Синодъ во главѣ съ Замѣстителемъ Патріаршаго Мѣстоблюстителя преисполнены упованіемъ, что при *Всесильной помощи Божией (**)* церковная жизнь и въ дальнѣйшемъ пойдетъ по намѣченному пути и что, несмотря на *трудности, которыхъ всегда было и будетъ много въ земныхъ условіяхъ существованія Церкви Христовой*, она, эта Церковь будетъ для вѣрующихъ неизмѣннымъ прибѣжищемъ, гдѣ они приобретаютъ силы духовныя на борьбу съ грѣхомъ и соблазнами міра ради своего спасенія къ жизни вѣчной».

Да, «для христіанина не можетъ быть случайностей въ мірѣ.» И не случайно то, что всѣ попытки безбожниковъ и ГПУ раздробить Русскую Церковь, всячески провоцируя въ ней раздоры и расколы, закончились неудачей. Послѣ тяжкаго періода внутреннихъ смутъ среди православныхъ въ Россіи, мы читаемъ два параллельныхъ свидѣтельства: самого Первоіерарха о непрерывномъ покаяніи и возвращеніи въ Патріар-

*) Курсивъ нашъ.

**) «Журналъ Московской Патріархіи», № 11-12 1932.

шую Церковь прежде отколовшихся от Нея, и свидѣтельство безбожниковъ, меньше всего заинтересованныхъ въ ликвидаціи раскола. Безбожный сборникъ сообщаетъ:

«Расцвѣтшее, было въ первые годы раскола живоцерковное движеніе начинаетъ затѣмъ постепенно сворачиваться. Въ наши дни, къ 1932 г., оно не играетъ замѣтной роли въ церковной жизни. Единный фронтъ Тихоновской (мертвой) старой Церкви возстановился... «При этомъ необходимо отмѣтить, что если «григорьевская» и «іосифлянская» церкви, послѣ ряда безпринципныхъ стычекъ и дракъ, просто разложились и влились обратно въ «лоно» Тихоновской своей «Праматери», то автокефальная украинская «самостійная» Церковь быстро потеряла свое въ извѣстной мѣрѣ выросшее, было, вліяніе среди трудовыхъ массъ послѣ процесса надъ контрреволюціонной организаціей СВУ («Союзъ освобожденія Украины»)...

Такимъ образомъ «не случайно», столь почитавшаяся въ эмиграціи, пресловутая «оппозиція» М. Сергію прекратила свою борьбу съ нимъ. Годы испытаній выявили истинность избраннаго Патріаршей Церковью пути, какъ выявили для многихъ русскихъ людей вредъ сектантскихъ заблужденій. Въ томъ же сборникѣ мы читаемъ: «примѣрно съ 1928-1929 гг. сектантство переживаетъ процессъ разложенія. Процессъ распада особенно бурно происходитъ сейчасъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что новоизраильтяне, молокане, хлысты и рядъ другихъ сектъ потеряли за этотъ періодъ не менѣ половины своихъ членовъ. Даже такія крѣпко сколоченныя секты, какъ евангелисты, баптисты, и тѣ не только перестали численно расти, но начинаютъ идти на убыль».

Итакъ процессъ *бурнаго* религіознаго движенія въ Россіи, неизбежно порождающаго несогласія, расколы и еретическіе уклоны въ сектантство, смѣнился процессомъ «собиранія» Церкви вокругъ Ея корня законной преемственной отъ Патріарха Тихона власти. Наряду съ собираніемъ, съ укрѣпленіемъ единства, происходитъ нѣчто еще болѣе важное и опредѣляющее смыслъ и силу этого единства: чуждое всякой растерянности и боязливой тревоги за судьбы Церкви спокойное и мудрое вниканіе во всѣ тѣ явленія, которыя «не случайно», а «дѣйствіемъ Промыслительной Десницы Божіей» совершаются въ Россіи, въ жизни ея народа и современнаго государства.

Особенно важно обратить вниманіе на то, что въ тотъ моментъ, когда, охваченная паникой и ожиданіемъ конца міра, часть русскаго духовенства звала вѣрующихъ уйти въ подполье и, затворившись тамъ, ожидать втораго пришествія Христова, М. Сергій звалъ іерарховъ и клиръ безбоязненно дѣлать дѣло Божіе въ грѣшномъ мірѣ.

«Оппозиція» хотѣла спасти только вѣрныхъ, «праведныхъ», а всѣхъ заблудившихся въ безбожіи предавала Сатанѣ. Происходящее въ Россіи она объясняла не иначе, какъ дѣйствиємъ Сатаны, считала, что сила дьявольская безпредѣльно владѣетъ всей страной, отъ которой Богъ окончательно отступился. И эта «оппозиція» упрекала Митрополита Сергія, какъ нѣкогда друзья упрекали ветхозавѣтнаго Іова въ какомъ то страшномъ грѣхѣ. Но Іовъ передъ Богомъ исповѣдывалъ чистоту своего пути и отрекался отъ приписываемаго ему беззаконія. Отрицался отъ беззаконныхъ намѣреній и дѣствий и Митр. Сергій, свидѣтельствуя передъ Богомъ незапятнанность своей первосвятительской совѣсти въ замѣчательныхъ своихъ двухъ письмахъ къ Митр. Кириллу.

Обвиняла же оппозиція Русскаго Первоіерарха въ томъ, что онъ не предалъ Сатанѣ согрѣшившей Россіи, не ушелъ вмѣстѣ съ «избранными» въ подполье, а во всѣхъ страшныхъ и жестокихъ потрясеніяхъ русской катастрофы, вплоть до стихійнаго разлива безумнаго и яростнаго безбожія, увидѣлъ не конецъ міра, а только этапъ человѣческой исторіи въ какихъ-то высшихъ цѣляхъ *допущенный* «дѣйствиємъ Промыслительной Десницы Божіей».

III

Если прежняя уцѣлѣвшая частично интеллигенція боится открыто исповѣдовать свою вѣру въ Бога, а народъ будто бы въ большинствѣ принялъ религію марксизма, то на кого же тогда опирается Церковь въ Россіи и къ кому обращаетъ Она свою проповѣдь? Несмотря на завѣренія безбожниковъ о все большемъ и большемъ «освобожденіи трудящихся массъ отъ религіознаго дурмана», мы имѣемъ свидѣтельство самого Ярославскаго, который заявилъ одному американскому журналисту, что въ С. С. С. Р. осталось «еще 80 милліоновъ вѣрующихъ».

Идетъ ли христіанство тамъ на убыль или оно начинаетъ возрождаться не только въ качествѣ, но и въ количествѣ, проникая въ тѣ слои населенія, которые отъ него первоначально отреклись?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ лучше не допускать никакихъ оптимистическихъ предположеній, а лишь ограничиться одними извѣстными намъ фактами.

Надо считаться съ тѣмъ, что огромное количество совѣтскихъ городскихъ обывателей просто скрываетъ свою открытую принадлежность къ Церкви. Изъ періодической хроники безбожныхъ изданій мы узнаемъ, что «скрытые христіане»

обнаруживаются иногда «среди комсомола» и самой партии. Не скрывают своей вѣры рабочіе и крестьяне. Однихъ безбожная печать упрекаетъ въ сборахъ денегъ на постройку новыхъ храмовъ, другихъ, считаемихъ особенно «отсталымъ элементомъ», она часто обвиняетъ не только въ поддержкѣ «поповской контрреволюціи» (постоянно припутывая священниковъ къ срыву колхозныхъ организацій) но и еще въ устройствѣ кое-гдѣ (объ этомъ говорится мимоходомъ) «монастырскихъ лжеколхозовъ». Но вотъ какое показаніе тѣхъ же безбожниковъ очень интересно. Объясняя жизнь и дѣятельность Церкви исключительно поддержкой «капитала, міровой буржуазіи и интервенціи», безбожная печать удостоверяетъ *пролетаризацію* самихъ приходскихъ организацій. Берковский даже въ юбилейной статьѣ вынужденъ отмѣтить:

«... церковники пытаются и это имъ въ известной степени удается, «пролетаризировать» въ городѣ и «обѣднячить» въ деревнѣ двадцатки и приходскіе совѣты. Вводя въ ихъ составъ то или иное количество еще не освободившихся отъ религіознаго дурмана рабочихъ, крестьянъ-батраковъ или бѣдняковъ и отнюдь не поступаясь для нихъ при этомъ въ части руководства или управленія, церковники пытались прежде всего скрыть классовую подоплеку этихъ церковныхъ органовъ, ихъ связь съ эксплуататорскимъ классами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвести отъ себя и перевести на рабочую или батрацко-бѣдняцкую часть двадцатки отвѣтственность за то или иное нарушеніе декретовъ совѣтской власти, за несвоевременную уплату налоговъ, страховки и т. д. Одновременно поповствомъ дѣлается ставка, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спасающая остатки вліянія духовенства до сихъ поръ, — на женщину, какъ на опору Церкви и не столько на работницу, сколько на крестьянку.

Нѣкоторые наиболѣе рьяные попы даже вводили санъ діаконалиссъ, избирали казначейшъ и т. д. Женскіе кружки кройки и шитья, а особенно хорошого пѣнія, кое-гдѣ сохранились и сейчасъ».

«Расшифровывая» этотъ отрывокъ безбожнаго отчета, мы видимъ очень знаменательный фактъ:

Рабочіе и «бѣднота» *сами* для своей религіозной потребности арендуютъ у власти «культурныя зданія», т. е. храмы, берутъ ихъ на свое иждивеніе и на свою отвѣтственность. Такимъ образомъ, пролетаріатъ заявляетъ своей же пролетарской власти: «намъ нужна Церковь, нужны духовенство и храмы. Мы вѣримъ въ Бога и желаемъ Ему открыто молиться. И изъ своей рабочей «зарплаты» будемъ по закону платить за аренду храма и вносить налоги. Мы — вѣрующіе, при всей нашей лояльности

къ власти и революціи». И это не единичные факты, а видимо очень широкое общее явленіе. Это *пролетаризація* приходскихъ организацій. Вѣроятно, главнымъ образомъ благодаря ей, и уцѣлѣла половина храмовъ въ Россіи (да кое гдѣ еще строятся новые), ибо только съ рабочими и съ «бѣдняцко-батрацкими элементами» власть вынуждена все же считаться.

«Пролетаризація» Церкви на 15-ый годъ революціи — для марксистовъ фактъ очень конфузный. Скрыть его нельзя, объяснить «смычкой русскихъ рабочихъ и крестьянъ съ міровой буржуазіей, капиталомъ и интервенціей» — совершенно нелѣпо, а для «достиженій революціи» просто неприлично. И вотъ приходится дѣло представить такъ, какъ будто рабочіе въ данномъ случаѣ являются какимъ то пассивнымъ элементомъ, просто декоративнымъ матеріаломъ, который не самъ по себѣ дѣйствуетъ, а попавъ въ руки «поповства», употребляется имъ для маскировки будто бы «классовыхъ» интригъ церковниковъ. Выводъ ясенъ: уже не старая свергнутая и почти добитая «буржуазная» Россія «цѣпляется за Церковь, какъ за орудіе контрреволюціи», а *Россія новая* постепенно (можетъ быть, очень медленно) обращается къ свѣту Христова ученія. Къ сожалѣнію, отъ нашихъ глазъ очень и очень многое скрыто, ибо оно прежде всего скрывается, и очень тщательно, отъ всевидящей коммунистической власти. Мы ничего почти не знаемъ, или чрезвычайно мало знаемъ о внутреннихъ настроеніяхъ партійной молодежи, объ ея идеологическихъ колебаніяхъ и поискахъ иныхъ путей. Коммунистическая диктатура показываетъ, даже у себя дома, лишь одни «парады»... Но вотъ недавно въ только что родившемся на свѣтъ журналѣ молодыхъ «утвержденцевъ» («Завтра») промелькнула маленькая статейка двѣ или три недѣли назадъ бѣжавшаго изъ Россіи комсомольца (подпись «Донской»), члена такъ называемой правой оппозиціи. Въ этой статьѣ передъ нами во весь ростъ встаетъ энтузіастъ-«ударникъ», горящій идеей «строительства». Но онъ уже не интернаціоналистъ, не «пролетарій всего міра», а убѣжденный *націоналистъ*, мечтающій о величій *своей* страны, *своего* народа и подходящій къ мысли о переустройствѣ міра путемъ мессіанства Россіи. Онъ обвиняетъ Сталина и его окруженіе за измѣну революціи, за политику тяжелыхъ и ненужныхъ экспериментовъ, какъ разъ и угрожающихъ срывомъ строительства, ставящихъ на карту великое будущее Россіи... И у этого типичнаго комсомольца, говорящаго грубымъ языкомъ заводской мастерской, срывается мимоходомъ фраза по поводу созданія новой Россіи: «*а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Христосъ насъ ведетъ*»...

Конечно, случайно оброненное слово ничего еще не до-

казываетъ и мы не будемъ дѣлать изъ него никакихъ выводовъ. Но интересенъ авторъ статьи самъ по себѣ, какъ типъ новой коммунистической молодежи. Мы привыкли эту молодежь разсматривать издали со всѣмъ нашимъ презрѣніемъ только сквозь призму «Чубарова переулка»: хулиганство, разнузданность, невѣжество, жестокость...

Такъ ли это?

Ихъ коверкали, это вѣрно. Имъ выворачивали «суставы» ихъ психики; ихъ натаскивали, какъ охотничьихъ собакъ и дрессировали какъ цирковыхъ животныхъ... И все же у многихъ изъ нихъ осталась русская живая душа даже подъ толстымъ слоемъ коммунистической лакировки. Въ этой своей «соціалистической стройкѣ» они проявляютъ и самоотверженіе и героизмъ, подчасъ дѣйствительно жертвуютъ собой безъ остатка. У нихъ есть и своеобразное пониманіе долга и порою настоящая любовь къ родинѣ. А самое русское въ нихъ — это безудержная кипучесть, исканіе прежде всего «планетарныхъ масштабовъ» (не даромъ они родились въ странѣ, занимающей одну шестую часть свѣта) и затѣмъ жажда религіозной вѣры. Они *не виноваты*, что эту жажду имъ даютъ утолять изъ отравленнаго источника марксизма и ленинизма... Въ голодной и нищей С. С. С. Р. едва ли они всѣ сыты и хорошо одѣты; но вѣдь ихъ внутреннимъ паѳосомъ, а ни чѣмъ инымъ, созданы всѣ эти Магнистрои и Днѣпрострои...

Русскій вулканъ еще клокочетъ и содрагается вся русская почва. Но въ нагроможденіяхъ лавы, въ безобразномъ хаосѣ, залитомъ непросохшей еще кровью, уже намѣчаются какія-то новыя очертанія, которыя во всякомъ случаѣ ясно говорятъ о томъ, что возврата къ прошлому никогда не будетъ. И это раньше всѣхъ поняла Русская Церковь. Она вступила не на путь угодническаго «соглашательства съ безбожной властью» (по легкомысленному и поспѣшному заключенію эмиграціи), а на путь пріятія сложнаго и глубокаго процесса историческихъ новообразованій въ русской жизни. Злая власть именно и стремилась во что бы то ни стало спровоцировать Церковь на политическую борьбу «за вѣру и отечество», заставить ее *въ совершенно иныхъ условіяхъ и при иной темѣ историческаго момента* повторить Патріарха Гермогена, дабы погубить Ее однимъ ударомъ и разъ навсегда вырыть глубочайшую пропасть между русскимъ народомъ, стремящимся къ созданію новыхъ соціальныхъ основъ жизни и между христіанствомъ, якобы окаменѣвшимъ навѣки въ своей прикованности къ старому строю.

Русская Церковь тѣмъ и велика и величественна, что своимъ благодатнымъ разумомъ Она постигла тему истори-

ческаго момента и не промѣняла первенства высшихъ духовныхъ цѣнностей на чечевичную похлебку столь желаннаго для многихъ «эффектнаго», но совершенно бесплоднаго политическаго дѣйствія. Не боясь никакихъ нареканій и обвиненій, Она рѣшительнымъ ударомъ разсѣкла «Божіе» и «Кесарево» на двѣ половины; избрала для себя только «Божіе», какъ путь и цѣль, а «кесарево» приняла какъ фактъ, допущенный «дѣйствіемъ Промыслительной Десницы Божіей».

И въ томъ, что говоритъ Церковь, обращаясь къ вѣрующимъ въ современной Россіи звучить не вынужденная уступка обстоятельствамъ съ Ея стороны, а совершенно искреннее опредѣленіе Ею своего *по убожденію* избраннаго пути:

«... Какъ и слѣдовало ожидать, изложенныя въ деклараціи мысли о долгѣ православныхъ быть настоящими сознательными гражданами своей страны, понимать свой долгъ и обязанность передъ новой страной «не за страхъ, а за совѣсть», не забывать, что все происшедшее въ нашей родинѣ не есть случайность, ибо для христіанина не можетъ быть случайностей въ мірѣ, а во всемъ дѣйствуетъ Промыслительная Десница Божія ко спасенію вѣрныхъ сыновъ Церкви — конечно, вызвали ропотъ въ средѣ эмиграціи»...

«... Здѣсь и наступаетъ пора для Священнаго Синода, когда ему приходилось не только заниматься текущими административными дѣлами, а и вразумлять заблуждающихся обращеніемъ ихъ къ *настоящему церковному сознанию въ существующихъ условіяхъ*».

«И нужно сказать, что опытъ пяти лѣтъ показалъ правильность избраннаго пути благоустроенія церковной жизни и что задача, поставленная Преосвященнымъ Замѣстителемъ и Временнымъ при немъ Патріаршимъ Священнымъ Синодомъ — отдѣлить церковную жизнь отъ всякой мірской политики, вести исключительно церковно-созидательную работу на строгой основѣ канонѣ и церковной экономіи — можетъ быть осуществляема и въ современныхъ условіяхъ государственнаго правопорядка» (*)

Можетъ ли быть осуществляема эта церковно-созидательная работа въ современныхъ условіяхъ?

Сами безбожники вынуждены засвидѣтельствовать, что можетъ. Русская Церковь и надъ новой Россіей, надъ kloкочущимъ ея вулканомъ, держитъ Крестъ Христовъ — знаменіе Голгофы и Воскресенія.

*) «Журналъ Московской Патріархіи», № 11-12. 1932 г.

Отодвинемъ, забудемъ на моментъ свою эмигрантскую двойственность, гдѣ миражъ вчерашняго дня заслоняетъ очертанія дня сегодняшняго. Если мы дѣйствительно вѣруемъ, то должны будемъ признать, что мы стоимъ передъ чудомъ. Если не вѣруемъ, то все же, хотя бы эстетически, оцѣнимъ мощь и красоту этого невозмутимаго стоянія Церкви въ самомъ центрѣ огненныхъ изверженій революціи.

... Были «синодальные архіереи», сидѣвшіе въ своихъ «покояхъ» въ сторонѣ отъ всякихъ «жителейскихъ сквозняковъ», отъ какихъ бы то ни было потрясеній. Если и огорчались они порой угнетеніемъ Церкви и самовластіемъ оберъ-прокуроровъ, за то все внѣшнее у нихъ было такъ благолѣпно и благополучно. Да и огорченія разсѣивались: у кого въ текущихъ заботахъ по епархіямъ, у кого въ кабинетной работѣ надъ богословскими трудами. Жизнь «мірская» текла мимо нихъ, почти не задѣвая. Такъ длилось вѣками. И общество, — вѣчно волнуемая «проклятыми вопросами» интеллигенція, всякаго рода «дѣятели» привыкли смотрѣть на нихъ, на этихъ «синодальныхъ архіереевъ», какъ на исторически бытовую декорацию, почти какъ не на живыхъ людей. Ихъ работою никто не интересовался, ихъ ученыхъ трудовъ почти никто не читалъ, кромѣ специалистовъ, да студентовъ Духовныхъ Академій — по обязанности. Ихъ возили въ тяжелыхъ каретахъ, награждали тяжелыми золотыми митрами и важными орденами. Все около нихъ и на нихъ было тяжелое, массивное, мало подвижное, громоздко величавое...

И вотъ ударило землетрясеніе. Все перевернулось. Прорвались всѣ плотины. Хлынули всѣ стихіи, смѣшавшись съ кровью. Камня на камень не осталось отъ старой крѣпкой Россіи. Гдѣ нервная волнующаяся интеллигенція, которая, подобно Льву Толстому, «не могла молчать»? — Нѣтъ ее. Гдѣ террористы-эсеры съ пылающими глазами, которые умѣли «за идею» нести въ карманѣ бомбу какъ порсигарь и, не дрогнувъ, стоятъ между динамитомъ и висѣлицей? — Нѣтъ ихъ.

Гдѣ арміи со своими вождями, лозунгами «до побѣднаго конца», со «святой ненавистью къ врагу», съ умѣніемъ одной ротой идти противъ цѣлой дивизіи? Нѣтъ ихъ. Гдѣ вообще вся та Россія общественная, государственная, военная, которая «бойкотировала» большевиковъ, устраивала совѣщанія, собранія, объединенія, лиги и комитеты, обращалась къ иностраннымъ державамъ и хотѣла «спасти свою родину отъ гибели» цѣною какой бы то ни было жертвы? — Этой Россіи тоже больше нѣтъ. Осталась Россія Ленина, Сталина, Ворошилова и многихъ тысячъ какихъ то невѣдомыхъ намъ новыхъ ея хозяевъ. Вся она другая и все въ ней другое, вплоть до язы-

ка и быта. Всѣ прежніе ушли или сдались или погибли. Даже кладбищъ почти не осталось со старыми могилами: на нихъ теперь играютъ въ футболъ комсомольскія команды въ потрепанныхъ совѣтскихъ фуфайкахъ...

И вотъ на этой «новой совѣтской землѣ» оказались.... прежніе «синодальные архіереи». Они никуда не ушли. Они не устраивали никакихъ комитетовъ, не призывали ни къ какой борьбѣ «до побѣднаго конца», ни къ какимъ «жертвамъ». Они сами жертвенно остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ, потому что вѣровали, что «во всемъ дѣйствуетъ Промыслительная Десница Божія ко спасенію вѣрныхъ сыновъ Церкви». Ихъ убивали, ссылали на каторгу, запирали въ тюрьмѣ; надъ ними издѣвались, лишали ихъ всѣхъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ, отнимали у нихъ храмы и алтари, вырывали у нихъ изъ рукъ кресты и священные сосуды, объявленные «народнымъ достояніемъ». И они все это вынесли. Не поколебались. Не усумнились ни на минуту въ своемъ святительскомъ долгѣ просвѣщать Словомъ Божиимъ окаянный народъ и молиться о его спасеніи.

И вотъ прошло пятнадцать лѣтъ. Не узнать Россіи. Не узнать самой Москвы. На мѣстѣ монастырей и храмовъ — пустыри или клубы и синема... Ореть и неистовствуетъ красная толпа безбожнаго карнавала... Кошунственные плакаты нагло пестрѣютъ на стѣнахъ и заборахъ; визжать оркестры циничными частушками; рты выплевываютъ святотатственные слова, весело и дико обнажая весь свой скиѣскій оскаль.

Кажется, что поднялась вся преисподняя и реветъ и кричить: «не надо Бога! долой вѣру и Церковь!»

И неудивительно, что смутились многіе не только изъ вѣрующихъ, но и изъ высшихъ пастырей: «Антихристъ пришелъ! Конецъ наступаетъ!» Но кто-то и этимъ не смутился. «Синодальный архіерей» съ «капитанскаго мостика церковнаго корабля» глядитъ на весь этотъ бушующій океанъ своими пронизательно мудрыми глазами и совершенно спокойно, невозмутимо отдаетъ распоряженія... Трещать снасти, заливать палубу... Годами длится и все нарастаетъ самый бѣшенный штормъ, а онъ стоитъ у руля. Только сталъ весь бѣлый, какъ лунь и скорбныя складки — печать подвига и заботы о *всѣхъ* — легли на лицѣ и на лбу. Но ничего не измѣнилось въ немъ. Онъ знаетъ *главное*. На это главное указываетъ ему компасъ вѣры:

«... для христіанина не можетъ быть случайностей въ мірѣ, а во всемъ дѣйствуетъ Промыслительная Десница Божія ко спасенію вѣрныхъ сыновъ Церкви».

М. Курдюмовъ.